

Снарская Екатерина Валерьевна

соискатель кафедры общей философии,
Казанского (Приволжского) федерального
университет
dom-hors@mail.ru

**НРАВСТВЕННОЕ
В БЕЗНРАВСТВЕННОМ
(ПОИСКИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В ПОВСЕДНЕВНОСТИ)**

Аннотация:

Целью данной статьи является определение возможности существования нравственных феноменов в сфере повседневности. Она представляется большинством исследователей как нечто утилитарное, неспособное на продуцирование и реализацию духовных ценностей и в силу этого чуждое нравственности как безусловного выражения духовности. В связи с тем, что данный подход к сущности повседневности является доминирующим в социально-философской теории, актуальность исследуемой проблемы оказывается особенно очевидной.

Ключевые слова:

повседневность, нравственность, моральные нормы, духовные ценности, утилитарность, ситуация «лицом к лицу», типизация, институционализация.

Snarskaya Ekaterina Valerievna

PhD applicant of
the General Philosophy Department,
Kazan (Volga region) Federal University
dom-hors@mail.ru

**FEATURES OF MORAL
IN THE IMMORAL ENVIRONMENT
(SEARCH OF SPIRITUAL VALUES
IN EVERYDAY LIFE)**

Summary:

The objective of the article is to define the possibility of the moral phenomena existence in the everyday life sphere. The everyday routine is considered by the majority of researchers as something utilitarian, unable to produce and implement the moral values, and, therefore, alien to the morality as an absolute expression of the spirituality. Due to the fact that this interpretation of the everyday life prevails in the socio-philosophical theory, the topicality of the issue under consideration is especially obvious.

Keywords:

everyday life, morality, moral norms, spiritual values, utilitarianism, "face-to-face" situation, typification, institutionalization.

В социально-философской мысли повседневная жизнь зачастую представляется как арена утилитарности. В.Д. Лелеко, вслед за А. Шюцем, П. Бергером, Т. Лукманом и другими, описывая пространство повседневности, акцентирует внимание на том, что повседневная жизнь представляет собой совокупность действий, направленных на достижение сугубо практических целей [1]. Прагматизм является сущностной характеристикой как установки обыденного сознания, так и мотивации человека в повседневной жизни, а утилитарная мотивация действий человека обуславливает иерархию ценностей, выстраиваемых им.

А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что ценными в обыденном знании будут лишь те нормы и образцы поведения, которые могут служить человеку в качестве средства для достижения личных практических выгод. Так, знание практически применимого рецепта будет существенно важнее любой научной теории. До тех пор, пока работает проверенная временем и опытом схема соотнесения действий с потенциальными результатами, у человека не возникает необходимости познавать суть вещей [2]. Для него ценным является то знание, которое работает и требует наименьших затрат для реализации практических интересов – не более того.

А. Шюц помимо утилитарной направленности выделяет еще одну немаловажную ценность, имеющую место в повседневной жизни – необходимость «поладить с субъективно определяемым окружением» [3], то есть той областью окружающей человека реальности, которая является для него субъективно значимой, актуально или потенциально достижимой и, следовательно, воспринимаемой как само собой разумеющаяся данность.

Для объяснения связи между повседневным действием человека и зависимостью данного действия от условий социальной среды А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, В.Д. Лелеко вводят понятие «релевантности», которое определяется как степень важности для человека определенных аспектов знания, соотносимого им с конкретной ситуацией. В качестве общих принципов и установок релевантность содержится в том запасе социально одобренного знания, которым апеллирует обыденное сознание [4].

А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман не дают классификации релевантностей, которая показала бы их соотношение с нравственностью, и не классифицируют ценности повседневности. Так, Шюц объединяет все разнообразие ценностных установок общим термином «культурный образец

групповой жизни» [5]. Сюда относятся обычаи, традиции, законы, этикет и бесчисленное множество других составляющих. Для указанных нами авторов не важно, в чем заключается смысл повторяющегося действия повседневной жизни – они оставляют за рамками рассмотрение этого аспекта, который оказывается для них просто неактуальным. При этом, однако, не учитывается важное различие, скрывающееся в смысле повседневных действий. Бесспорно, что рецепт приготовления супа отличается от правил этикета, которые, в свою очередь, отличаются от нравственных норм, регламентирующих взаимодействия людей. Но именно в нравственной проблематике повседневности человек способен преодолеть утилитарность, обозначаемую теоретиками как атрибутивную составляющую повседневной жизни. Понятие «релевантность» не отражает отличий нравственной проблематики от утилитарной. Однако присутствие в совокупности релевантных аспектов, имеющих отношение к нравственности, может быть выявлено с опорой на тексты теоретиков повседневности, не дифференцирующих их виды.

Э. Фромм, в отличие от А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, разграничивает мотивы принятия людьми решений в повседневной жизни. С одной стороны, это индивидуальное решение, основывающееся исключительно на субъективных предпочтениях человека, не зависящих от условий социальной среды. С другой стороны, это решение, так или иначе навязанное внутренним или внешним давлением «необходимости» – социальным окружением, которое предопределяет диапазон возможных действий человека. К формам «внешнего» принуждения человека к действию Фромм относит традиции, обычаи, условности; а к формам «внутреннего» принуждения, например – чувство долга. Именно побуждение к действию, обусловленное давлением «необходимости» (а значит, «долженствованием») оказывается доминирующим в сфере повседневности [6, с. 76]. Сравнивая обозначенные точки зрения, мы можем сделать вывод, что формы внешнего принуждения, о которых говорит Фромм, являются ничем иным как совокупностью нормативно-правовых установок, о которых пишут Шюц, Бергер и Лукман. Формы же внутреннего принуждения открывают для нас возможности отнесения их к феноменам собственно нравственным.

Обусловленные социальным окружением обыденные знания образуют особую систему, призванную обеспечить успешное функционирование всей совокупности взаимодействий между людьми [7]. Поскольку социальное взаимодействие регулируется не только и не столько эгоистичными утилитарными мотивами, можно констатировать факт присутствия в данных взаимоотношениях составляющие нравственной установки – бескорыстная помощь, дружба, родительская опека, любовь, забота, духовные привязанности – все это, безусловно, имеет место в том аспекте повседневности, который мы можем назвать ближайшим социальным окружением. Понимание других в ситуации «лицом к лицу», которая является доминирующей в сфере повседневности, становится возможным только благодаря укорененным в обыденном разговорном языке социальным типизациям. Бергер и Лукман приводят примеры восприятия «Другого»: на наше взаимодействие с «Другим» оказывает влияние определенная схема типизации, в которую встраивается этот «Другой», выступая не как целостная личность, а как тип («мужчина», «европеец», «покупатель» и т.п.) [8].

Очень важно, что процесс восприятия «Другого» тем более типизирован и анонимен, чем дальше он отдален от ситуации «лицом к лицу». Объективная возможность существования такого разнообразия типизаций – от ситуаций межличностного общения до крайне абстрактных, которые априори не могут стать доступными данному типу взаимодействия – реализуется в пространстве социальной структуры общества. Собственно социальная структура, по мнению Бергера и Лукмана, является совокупностью таких типизаций и организованных с их помощью образцов действий [9].

Центральным формирующим элементом социальной структуры является, по мнению А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, институционализация, которая отождествляется с типизацией. Процесс институционализации/типизации является принципиально важным, поскольку, как отмечают данные исследователи, он типизирует не только деятельную составляющую обыденной жизни, но и самих индивидов, осуществляющих эту деятельность [10]. Именно под ролевыми ожиданиями Шюц понимал социально одобренные и институционализированные способы решения типичных повседневных проблем [11]. Следует отметить, что институционализация, имея в своем арсенале обширный набор нормативных ожиданий, предполагает помимо типизированного набора действий еще и весь спектр ожидаемых моральных чувств. Так: институт семьи, рассматриваемый в рамках современной европейской традиции, сочетает в себе помимо закрепленного в законе специфического набора характеристик еще и совокупность общепринятых ценностно-нормативных установок. Именно они характеризуют данный институт с точки зрения ожидаемого (от него и составляющих его субъектов) поведения, соответствующего тем социальным ролям, которые эти субъекты выполняют. Так, говоря о материнской заботе, которая осуществляется в рамках института семьи, мы ожидаем, во-первых, выполнения особого рода действий и возникновения чувств в контексте «мать-дитя»; а во-вторых, предполагаем, что данные действия и чувства должны соотноситься с

конкретной социальной ролью. Например, в обязанности матери должна входить не только забота о безопасности и здоровье ее ребенка, но выражение этих действий в таких моральных чувствах, как чувство долга, материнская любовь. Ребенок же в своих действиях должен руководствоваться такими принципами как послушание, уважение к старшим и прочее.

Таким образом, как минимум, та часть знаний повседневности, которая может быть получена посредством социального взаимодействия, оказывается непременно связанной с духовной составляющей человеческого существа. Так, говоря о стиле жизни (который приводит в качестве примера Шюц), мы подразумеваем совокупность типичных для данного общества форм взаимодействий и деятельности людей, которые определяют не только коммуникативный процесс, но также особый склад мышления и основанного на нем поведения. Нравственные нормы, будучи ярчайшими выразителями соотношения поведения с нормами духовности, оказываются прочно вписанными в сущность и структуру обыденного социального знания.

Социальная обусловленность знания повседневной жизни, несомненно, влечет за собой появление целого ряда определенных типичных форм, в которые это знание облекается. Шюц в качестве примеров типизированных форм обыденного знания приводит нравы, законы, правила, ритуалы, клише, стереотипы, а также общепринятые моральные нормы [12]. Именно представление обыденного знания в форме различного рода типизированных ценностно-нормативных установок позволяет ему быть понятным и усвоенным каждым членом общества.

Реализация социально обусловленных знаний осуществляется посредством прямого действия. А. Шюц, вслед за Дж. Дьюи, разграничивает две возможные формы действий человека в повседневной жизни: действия как процесс и действия как свершившийся акт. Целью процессуальной формы действия является его направленность на результат. Однако этот результат может быть доступен нашему восприятию только в рефлексивной установке, то есть отстраненно от действия-процесса. Лишь воспринимая действие как уже завершённое, мы можем оценить все его возможные последствия. Мысленно предвосхищая результаты нашего действия, мы можем соотнести средства достижения этого результата с целью, которую планируем достичь [13]. Таким образом, воспринимая повседневные действия в рефлексивной установке, человек выстраивает особую систему ценностей, которая позволяет ему определять возможности выполнения того или иного акта сообразно избранному жизненному плану. Следовательно, повседневность включает не только ситуацию «здесь и сейчас», но и продумывание несуществующих вариантов, что как раз и происходит в ситуации нравственного выбора. Таким образом, нравственный выбор как неотъемлемая часть нравственности предстает как полноправная часть выстраивания, проектирования, продумывания человеком своих действий в повседневной жизни.

Итак, в повседневности действительно господствуют утилитарные ценности, достижение которых способно обеспечить комфортное существование человека в ситуации «здесь и сейчас». Однако повседневность не ограничивается заботой человека исключительно о себе самом. Эгоистическая установка отступает на второй план перед желанием и необходимостью человека заботиться о других людях – не только близких, но и в большей или меньшей степени тех, с кем он взаимодействует. Забота или хотя бы учет утилитарных интересов других людей является основополагающим принципом деятельности людей в обществе. Такого рода требования закреплены во всевозможных социальных нормах – обычаях, праве, морали. Отметим, что большинство из вышеуказанных норм относятся, прежде всего, к соблюдению утилитарных интересов других людей. Таким образом, господство утилитарных ценностей в сфере повседневности следует понимать как направленность внимания человека преимущественно на утилитарные интересы – собственные или других людей – но не как невозможность существования нравственности в сфере повседневности.

Ссылки:

1. См.: Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002; Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М., 2004; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Шюц А. Указ. соч. ; Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.
3. Шюц А. Указ. соч. С. 195.
4. См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.; Шюц А. Указ. соч.; Лелеко В.Д. Указ. соч.
5. Шюц А. Указ. соч. С. 534–535.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
7. См.: Шюц А. Указ. соч.; Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.
8. Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 55.
9. Там же. С. 59.
10. Там же. С. 92.
11. Шюц А. Указ. соч. С. 660.
12. Там же. С. 629.
13. Там же. С. 83–84.

References:

1. See: Leleko, VD 2002, *The space of everyday life in European culture*, St. Petersburg; Schutz, A 2004, *Peace, glowing sense*, Moscow; Berger, P & Luckman, T 1995, *The Social Construction of Reality*, Moscow.
2. Schutz, A 2004, *Peace, glowing sense*, Moscow; Berger, P & Luckman, T 1995, *The Social Construction of Reality*, Moscow.
3. Schutz, A 2004, *Peace, glowing sense*, Moscow, p. 195.
4. See: Berger, P & Luckman, T 1995, *The Social Construction of Reality*, Moscow; Schutz, A 2004, *Peace, glowing sense*, Moscow; Leleko, VD 2002, *The space of everyday life in European culture*, St. Petersburg.
5. Schutz, A 2004, *Peace, glowing sense*, Moscow, pp. 534-535.
6. Fromm, E 1990, *Escape from Freedom*, Moscow.
7. See: Schutz, A 2004, *Peace, glowing sense*, Moscow; Berger, P & Luckman, T 1995, *The Social Construction of Reality*, Moscow.
8. Berger, P & Luckman, T 1995, *The Social Construction of Reality*, Moscow, p. 55.
9. Berger, P & Luckman, T 1995, *The Social Construction of Reality*, Moscow, p. 59.
10. Berger, P & Luckman, T 1995, *The Social Construction of Reality*, Moscow, p. 92.
11. Schutz, A 2004, *Peace, glowing sense*, Moscow, p. 660.
12. Schutz, A 2004, *Peace, glowing sense*, Moscow, p. 629.
13. Schutz, A 2004, *Peace, glowing sense*, Moscow, pp. 83-84.